

АЛЕКСАНДР ОКОЛЕСНОВ

ЦВЕТОК САМУРАЯ

Книга премудростей

АЛЕКСАНДР ОКОЛЕСНОВ

**Цветок самурая.
Книга премудростей**

«Издательские решения»

ОКОЛЕСНОВ А.

Цветок самурая. Книга премудростей / А. ОКОЛЕСНОВ —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938097-5

Когда я был мальчишкой, я мечтал написать книгу, а написал две: «Два билета на Париж» — проза, и книгу стихов, песен и афоризмов — «Цветок самурая». В этой книге собрано всё самое лучшее, что я написал за свою жизнь. Скромный объём, но с чувством. Я всегда старался держать планку, тот уровень нашей русской литературы, на котором был воспитан.. Читайте, и пусть и в вашем сердце эта книга найдёт своё место. Александр Околёснов.

ISBN 978-5-44-938097-5

© ОКОЛЕСНОВ А.
© Издательские решения

Содержание

Стихи и песни разных лет	6
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Цветок самурая Книга премудростей

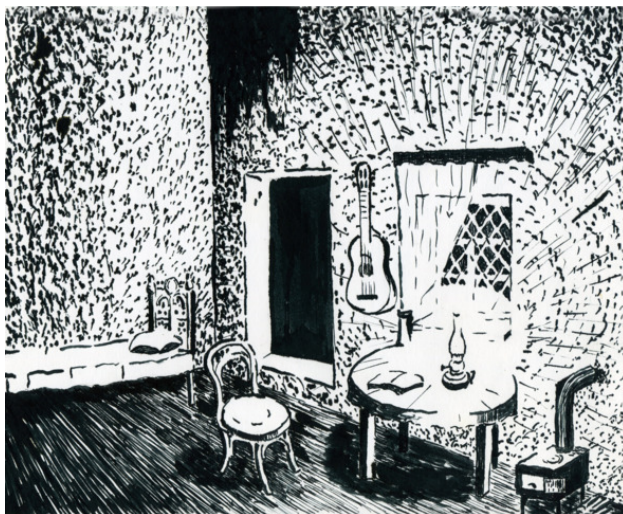
АЛЕКСАНДР ОКОЛЕСНОВ

© АЛЕКСАНДР ОКОЛЕСНОВ, 2019

ISBN 978-5-4493-8097-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стихи и песни разных лет

ПРИТЧА О ХУДОЖНИКЕ

На старом письменном столе
Стояла роза в хрустале.
Горела лампа. Спал весь дом.
Писал писатель о пустом.

Про розы розовый наряд,
Про звезды, что над ней горят.
Потом пытался рисовать
Её изысканную статью.

Звучал рояль. Волшебный звук
Передавали пальцы рук.
Жил человек в полубреду
Благоуханьем роз в саду.

Он мучил много лет подряд
Один и тот же звукоряд.

Давно уж роза отцвела.
Ни хрусталя уж, ни стола.
Другая лампа, свет другой.
Спина художника дугой.
Кровать больничная. Психоз.
Старик бубнит себе под нос:
«На старом письменном столе
Мерцала роза в хрустале».

1998 год.

НА ПРОСТОР

Гуси с озера взлетели
От морозов и метелей.
Вдаль за море полетели
На простор
Вы зачем летите птицы
За столицы Заграницы
С запорошенной водицы
На простор.

В сердце лёгкая тревога;
Вдаль ведет меня дорога
От родимого порога
На простор.
В небе соколы кружатся
Где так можно наддышаться
Им с простором не прощаться;
На простор.

Я над волной расправлю парус.
Увижу горизонт вдали.
Я в детстве.
И одноглазый Аргус
Пристал меня стеречь
Чтоб я забылся и уснул в блаженстве.

Я то радуюсь, то каюсь,
Что в стране чужой скитаюсь,
Что стремлюсь или пытаюсь
На простор.
Мчусь я ветром в чистом поле.
Вскружит голову мне воля;
Но такая наша доля —
На простор.

2012 год.

Муслиму Магомаеву

Кто поет о море, тот душой и сердцем
Предан горизонту, и волнам, и ветру.
Тот кричит, пытаясь заглушить Эола,
С глыбами купаясь в пелене приборя.
И касаясь телом сил, его несущих,
В трудную минуту, думами гонимый,
Оставляет мысли вечного покоя,
Чтоб прийти послушать, как стучит о Землю,
Как стучит о сердце Океан-набат.

1966 год.

РОДНЯ

Не давала мне мать горевать,
Совесть не дала разбогатеть.
Не умел мой отец воевать,
Если смог от войны умереть.

Пожалела сестра, как могла,
Друг поможет тоску освятить.
Что жена овдоветь не дала,
Значит, многое может простить.

Кум научит деревья растить,
А с кумою веселья вдвойне,
А соседка поможет крестить,
Тех, кому помирать на войне.
Я немного еще потужу,
Что на смерть соберут по рублю,
Да деревья весной посажу,
Да колодец дубовый срублю.

Не давал я сынам воевать;
И зачем воевать да просить,
Если есть еще, что выпивать,
И, тем более, что поносить.

Не давала мне мать горевать,
Совесть не дала разбогатеть.
Не умел мой отец воевать,
Если смог от войны умереть.

1993 год

ПОКАЯНИЕ

О Господи, не дай мне слез,
Не исцеляй напрасно душу.
Не посылай мне сто угроз,
Когда я заповедь нарушу.

Дай мне терпенья злу назло.
Стреножь коней моих до боли.
Страдать – земное ремесло,
Где даже ангел подневолен.

Дай, что осталось от любви;
Теперь любовь большая редкость.
Не пробуждай в моей крови

Лихую прыть нерусских предков.

Когда найдет меня родня,
С кем я надолго разлучился,
Пусть не казнит за то меня,
Что я молиться не учился.

Что летом травы не косил,
Зимой телегу не готовил,
А по Руси все колесил,
Да на фортуны сквернословил.

1995 год.

СУДЬБА-КАМАЗ

Спросите у ветра,
Когда холода:
Какого же цвета
Здесь в Каме вода?
Какие здесь в небе
Над ней облака?..»
А тот, кто здесь не был,
Не знает пока.

Нам думать об этом
Дела не дают.
И наши поэты
Нам песни поют:
Про пыльное лето,
Упрямый бетон.
Про краски рассвета
Напишут потом.

А дел у нас, у всех, немало;
Дан важный Родиной заказ.
Нас всех судьба одна связала,
И цель одна у нас – КАМАЗ!

Мгновенно за нами,
Почти до небес,
Росли, словно сами,
Опоры, как лес.
Стальной паутиной
Опутали свод
И стал бригантиной
Огромный завод.

Станки-автоматы
Поставлены в ряд,

Как будто солдаты
Пришли на парад.
Дрожала, гудела
Земля от работ.
Великое дело —
Родился завод.

КРИК ЦЫГАНА

Обхватчу руками ночь;
Дочь ничью – привольную,
Что, объятия раскрыв,
Завлекла меня.
Отчего ж душе невмочь,
Что на воле больно ей?
Что ж держу уздой порыв
Черного коня?

Что же, ласковая, ты
За туманным берегом?
От себя не убежать,
Сколько ни грусти.
Я замру без теплоты,
Как зимою дерево,
Чтобы стужу переждать,
Сердце извести.

За пустое не сочту;
Снег слетает с тополя.
Одиночество вдвоем:
Ночи нет длинней.
Потому невмоготу
Нам, гуляя во поле,
Не любить, да в ночь не красть
Вороних коней.

1978 год

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ

Опять дождям не спится,
Они снега размыли.
И снова в наши лица,
В сырую землю били.

По улицам бетонным
Потоками бежали.
И мусора затоны
Потоком обнажали.

Кипела грязь, как масло,
А в здание вокзала
Коричневая масса,
Как в душу, заползала.

Вокзал был опечален,
Что зря его пытали,
Что, не найдя причала,
Куда-то улетали.

Вокзал стоял под небом;
Не участь ждал – награды.
Желал дождя, как хлеба,
И не просил пощады.

Но улетали птицы,
И песня не звучала:
Зачеркнута страница —
Поэзии начало.

Но грызла цепь природа
И муки продолжались,
Когда в тяжелых родах
Все девять муз рождались.

А он стоял, покорный,
С распятыми грехами,
И дождь его упорно
Захлестывал стихами.

Но гасли силы бунта,
Сон клеивал ресницы,
А он, как древний Будда,
Звал буйство повториться.

ЗЕРКАЛО

Лицо – все та же маска;
Наверно, не к добру.
Я с добрым буду ласков,
А с грубияном – груб.

С печальным – опечалюсь.
С веселым – пью вино.
С любовью обвенчаюсь
Без «если» и без «но».

Мне карта – не указка;
Шестерка или туз.
Рай обхожу с опаской,

И добреньких боюсь.

В друзьях не буду гостем.
Врагу найду беду.
У подлости и злости
Надежду уведу.

Не спрятать в трудном споре
Угрюмого лица.
На счастье иль на горе —
Не понял до конца.

1982 год.

НОВЫЙ АРБАТ

Акробат, шары и пони —
На потеху для ребят.
Фотография на фоне:
Ах, Арбат, ты мой Арбат.

Поливает полдень рыжий
И натуру, и портрет.
Я брожу, как по Парижу,
Незнакомому сто лет.

Суматошная столица,
Чем богата, тем и рад.
Все почти по загранице.
Ах, Арбат, ты мой Арбат.

Но слова чужие вроде:
Офис, полис да инвест,
До кого с трудом доходят,
Для меня же – темный лес.

Дым отечества не сладок.
Льется песня невпопад.
И уже почти на ладан
Дышит прошлого уклад.

То построим, то порушим —
Не пойму лишь, для чего.
И звучит по чьи-то души
Песня детства моего.
И звучит по чьи-то души
Песня детства моего.

1993 год

БУМАЖНЫЙ КОРАБЛИК

Разбуженный вокзал. Открыты настежь двери.
Тебя в который раз я больше не держу.
Я теплому купе твою судьбу доверю.
«Я буду ждать тебя» – тебе я не скажу.
Домчит тебя состав до станции «Угода».
Помчит меня метро опять по кольцевой.
Мне не понять тебя с твоей шальной свободой.
Дни ожиданий мне – боль страсти роковой.

Сорвется, налетит, закружит бабье лето,
И я скажу тебе: «Как жил, так и живи».
Я отомщу тебе за то, что веришь мне ты,
За то, что хочешь быть свободным от любви.

Колечко на руке как будто незнакомо.
Сниму его с руки я на закате дня.
Моя в который раз свобода вне закона,
Твоя в который раз свобода от меня.
Я верю или нет – тебе давно не важно.
Не важно мне совсем – ты верен или нет.
Утонет по весне кораблик наш бумажный,
Что строили с тобой мы много, много лет.

КУРАЖ

Погудели молотом
И, мерси – пардон,
Потащились волоком
Прямо за кордон.

Здесь места укромные,
Небо – цвета беж.
Наши дни скоромные;
Сытый «зарубеж».

Сколько б мы ни топали,

С хомутом, иль без, —
Все равно прохлопали
Западный прогресс.
М... да! Ага!

Запад понемногу я
Пробую на вкус.
Помолюсь на Бога я
И в себе замкнусь.

Кто у нас за главного —
Не видать в упор:
Церковь православная
Иль в законе вор.

Где в переплетении
Пасха и погром,
Без житья питейного —
Тронешься умом.
М... да! Ага.

Запад в нас нуждается...
Ну, ядрена вошь...
Запад развлекается,
Хрен его проймешь.

Карусели крутятся,
Изобилье прет.
Что у нас получится,
Леший не поймет.

Реки жизни корчатся,
Но текут умно.
Только плыть не хочется
По реке бревном.
М... да! Ага!

Запад ест да слушает.
Хочет нас понять.
Гений наш засушенный
Дал себя подмять.

В трубы пролетарские
Больше не дудим,
На палаты царские
Косо не глядим.

Сколько б мы ни топали,
С хомутом иль без,

Все равно прохлопали
Западный прогресс.
М... да! Ага!

НИ ПРЯМИКОМ, НИ СТОРОНОЙ

Ни прямиком, ни стороной,
Ни сам один, ни вместе.
Идем куда-то со страной
Или стоим на месте?

Вокруг ни шум, ни тишина,
Ни весело, ни скучно.
То ль это мир, то ли война
Прошли благополучно.

И не летим, и не ползем.
Не празднуем, не стонем.
Гранит науки не грызем,
И без нее не тонем,

Прохожий, бомж или родня...
Мелькают чьи-то лица.
И где Отчизна у меня?
А у нее столица?

То ли Казань? То ли Ростов?
Рязань или Анапа?
То ль Запад двинул на Восток?
То ли Восток – на Запад?

Какой-то вакуум в башке.
И в доме так же, если
То ли сидишь на вещмешке,
То ль в генеральском кресле.

В саду ни осень, ни весна,
Ни лето, уж тем более,
Когда вольна твоя страна,
А ты, как зек на воле.

Не марш играют, не каприс,
И не попсу крутую;
Какой-то, вроде, компромисс,
Середку золотую.

Наверно, лишь у нас в стране
Не проживешь без страсти;
Или оглохнешь в тишине,
Иль завопишь от счастья.

ТАЛИСМАН

Когда у сердца гаснет уголек,
Зажгите в доме восковые свечи.
Пусть над свечой порхает мотылек
И не дает покоя вам весь вечер.

Когда заплывет тень
Среди сутулых стен,
Представьте, что сегодня вы художник.
Рисуйте в полутьме
Воображеньем смех.
Не важно, вы директор иль сапожник.

Представьте, что сегодня вы поэт.
К вам опустилась Муза с небосвода,
Найдите недописанный сонет,
Что сочиняли в молодые годы.

Пусть прозвучит любовь,
Чтоб стыла в жилах кровь.
Читайте с выражением и блеском.
Под ваш ночной дебют
Все тени оживут
И занавеска станет как невеста.

Без музыканта музыка мертва,
Как без фантазий мастерство ни к черту.
Страдайте от избытка естества.
Летайте, если тяга есть к полету.

Когда окрутит ложь
И страх пробудит дрожь,
Чтоб не остаться мне навек калекой,
Храню, как амулет,
Тех, кто летит на свет,
Чтоб хоть в ночи остаться человеком.

2003 год.

ПРИБАБАЙКА

Далеко за лесом, где река,
Там бабочка на удочку ловила рыбака.
Ну, а рыбак, глаза на восход,
Поймать пытался удочкою белый теплоход.

А теплоход по небу плыл орлом,
Хоть говорят: не может так летать металлолом.
И у причала на речной волне

Покачивались тракторы, довольные вполне.

Далеко за лесом, где река,
Там по небу носились цыплята табака.
Издавека придворный манекен
Зеленых крокодилов выводил на уик-энд.

А теплоход по небу все летал,
И облака колючие цеплялись за металл.
Но, разрезая тучки на куски,
Хорошими словами вспоминал он маяки.

Далеко за лесом, на реке,
Строчат по воскресеньям мужики коммюнике.
Мол, у коров недобрая черта,
Что на реке коровы не пасутся ни черта.

А теплоход по небу все летал,
Хоть говорят, что капитан его летать устал.
Но опираясь грудью о штурвал,
Он преодолевал за перевалом перевал.

Далеко за лесом, у реки,
Слоняются по берегу хмельные судаки.
И травят байки про рыбозавод;
Что по реке, мол, шастает огромный теплоход.

А теплоход по небу плыл орлом,
Хоть говорят, не может так летать металлолом.
И у причала на речной волне
Покачивались тракторы, довольные вполне.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ВНУКУ

Ай ду-ду, ду-ду, ду-ду.
Сидит ворон на дубу,
А сорока на сосне
Снится внукеку во сне.

Тучка по небу бежит.
Месяц в озере дрожит.
Спят деревья и кусты.
Спи, Савелюшка, и ты.

Чтоб здоровеньким ты рос.
Чтоб не ведал в жизни слез.
Чтоб тебе в счастливом сне
Снились звезды в вышине.

А когда ты подрастешь —

Сам кому-нибудь споешь,
Чтобы тот, кому ты пел,
Тоже песни петь умел.

2001 год

ПРИВЕРЕДА

Не горбата, не груба, —
Привередлива судьба.
Три дороги поутру, —
Ни одна не по нутру.

То в пустыне, то в морях,
То охотник, то монах.
Так порою закружу,
Что себя не нахожу.

Не глупа судьба клопа,
Не плоха в мороз доха,
Только просится на свет
То, чего в природе нет.

С Привередой я купец, жнец,
И на дуде игрец.
Как игру ни поведешь,
Только сеешь, а не жнешь.

Мне бы с нею не пропасть,
Хоть присесть, чтоб не упасть.
Но гребу ногами снег,
Продолжая свой разбег.

Пережить все, как болезнь,
Да в Судьбу другую влезть.
Только страх перед «другой»
Держит каменной рукой.

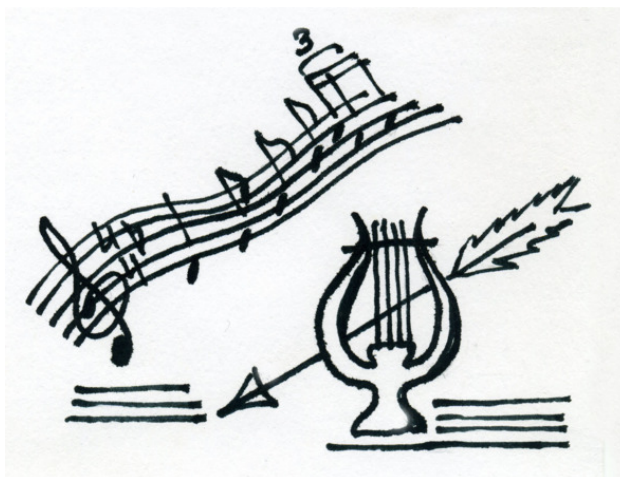
Чтоб рубить, но не сплеча.
Чтоб из баньки «с горяча».
Чтоб остаться с головой
В промежутке между войн.

Привереда не врала,
Только за сердце брала.
То неслась за птицей ввысь,
То летела камнем вниз.

Сто дорог перекляла,
Шесть царей перебрала,

А седьмой, начав с крови,
Ей признался: «C'est la vie».

Не глупа судьба клопа,
Не плоха в мороз доха,
Только просится на свет
То, чего в природе нет.

У КАРТИНЫ НЕИЗВЕСТНОГО ХУДОЖНИКА

Был очень старым холст,
Но жил на нем пейзаж.
Мотив, как мир, не прост.
Распывчат, как мираж.
Врагов не проклинал,
Не прославлял богов,
Но силуэтом звал
Далеких берегов.

Как трудно мне понять рисунок чудака.
Висит пейзаж его под крышей чердака
И пылью покрывается,
От мира отрекается.

Стелился серый дым
От неба до земли.
Грустили у воды
Шуты и короли.
На них уж нет лица,
На буклях седина.
С печалью ждут конца
Над кубками вина.

Не ждут гостей они.

По чьей-то прихоти
И в выходные дни
Дождь вместо конфетти.
Мир без шутов затих,
Без их участия;
Нет радости у них,
И нет несчастья.

Как трудно мне понять рисунок чудака.
Висит пейзаж его под крышей чердака
И пылью покрывается,
От мира отрекается.

Когда ж придет пора
Придуманных забот,
Начнется маскарад,
Построят эшафот.
Восстанет мир творца
Над синей бездной лет,
И обретет певца
Дописанный сонет,

1978 год

МОЛЧАНЬЕ – ЗОЛОТО

Я к тебе по воскресеньям
Прихожу, мой друг уставший.
Только снова, словно тенью,
В разговорах – тема та же;

Покурили, помолчали.
Оба – ты и я – в печали.
Помолчали. Покурили.
Ни о чем поговорили.

Ты мне тайны не откроешь,
Я к тебе не лезу в душу.
Ты себя в себе зароешь,
Я покой твой не нарушу.

Я болтаю о погоде,
Про любовь свою в столице.
Ты мне скажешь, что в природе
Невозможно повториться.

Что прошла пора венчанья,
И, с толпою обрученный,
В гастрономе или чайной
Ты в терпении – ученый.

И, конечно, не случайно
Мы с тобой скучаем оба.
Наше золото молчанья,
Впрочем, неприличной пробы.

1982 год

S.O.S.

Нам выдали НЗ как чаевые
И облачили в новые шинели.
Мы так гремели марши фронтовые,
Что соловьи надолго онемели.

Бросало нас по фронту или флангу,
Мы призывались к совести по рангу.
И комиссар устава не нарушил;
Не отписал: спасите наши души.

Быть иль не быть – банально до предела;
Был дан приказ: расстаться с жизнью смело.
И осыпались огненные маки
На полевых разводьях цвета хаки.

По нашу веру, Бог тому свидетель,
В который раз уж пели и стреляли.
В который раз погон срывали плетью,
И ордена посмертно выделяли.

Бросало нас по фронту или флангу,
Мы призывались к совести по рангу.
И комиссар устава не нарушил;
Не отписал: спасите наши души.

1983год.

ОСТРОВ ЧУДАКОВ

Как только злая тень
Занавесит день
Весь до облаков,
Я из папье-маше
Выкрою душе
Остров Чудаков.

Там балаганщик храбр,
А цыганский табор
Пляшет менуэт.
И Гамлет не убит:
Сидя в кресле, спит,

Запахнувшись в плед.

Там старый шут хитер.
И несет актер
Свой тяжелый крест.
А неземная власть
Оживляет страсть,
Мимику и жест.

Там старость – не года,
Горе – не беда —
Дорогой урок.
Но на закате дня
Подадут коня
И надежду впрок.

Там в праздник, чуть дыша,
Пьют на брудершафт
Плут и астроном.
А песней менестрель
Оборвет дуэль
Меж добром и злом.

Там, в промежутках лет,
Несчастливых нет;
Что ни день – фурор.
Всех судеб не прочесть.
Нет людей, но есть
Зритель и актер.

ЭХ! СВОБОДА...

Эх, Свобода, свет в окне,
Что же ты, княгиня,
Загуляла на войне
Не вчера, а ныне.

Бьются пули о стекло,
Рвутся двери с петель.
Мне с тобою не везло
Столько лет на свете.

Домик у причала,
С удочкой юнец.
Там всему начало,
Где всему конец.

Эх, Свобода – свет в окне.
Дым, дожди косые.
Не рассказывай ты мне,

Слабому, о силе.

Здесь сегодня, как вчера,
Кони лихо скачут.
Командиры – юнкера
Ловят миг удачи.

В поле ветер рыщет,
Ворон закружит.
Кто награды ищет,
Кто во ржи лежит.

Нет свободы без греха,
Коль ее так много.
Что задумано в верхах,
Может быть от Бога.

Принимаю, как броню,
Божий дар – Россею.
Я дареному коню
В зубы не глазею.

Закружила стая
Сизых голубей.
Наша жизнь простая:
Наливай да пей.

1996 год

**«GE PRENO MON BIEN OU GE LE TROUVE»
«Я БЕРУ СЕБЕ ДОБРО ТАМ, ГДЕ ЕГО НАХОЖУ»**

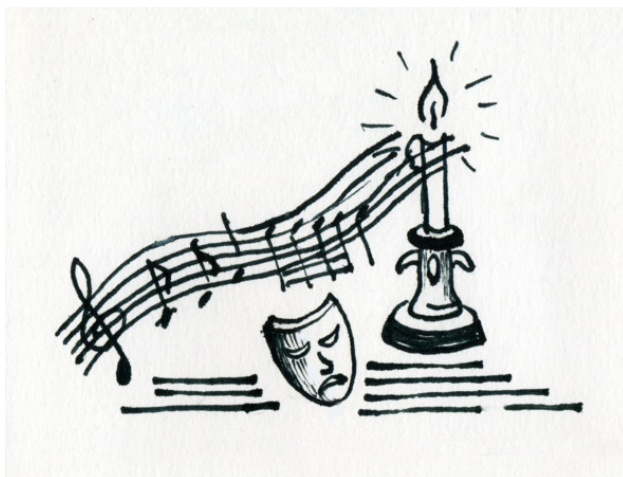
Ж.-Б. Мольер

Hm Em6 F# Nm
Кто возвращается к богам,
H7 Em7 A7 D
Кто был с деньгами, тот к деньгам.
D7 Em F# G
Лишь доброта не ко двору.
Em6 F#7 Nm
«Же пран мон бьен у же ле трув».
Em6 F# Nm
Хоть жизнь – не бархатный сезон,
H7 Em7 A7 D
Искать любви в ней есть резон,
D7 Em F# G
А прикипит добро к добру:
Em6 F# Nm F#7 Nm

«Же пран мон бьен у же ле трув».
Нм С#7 F#m A7 G
В хрустальной вазе три цветка,
Н7 Em Н7 Em
В шкафу бутылка коньяка.
F# G Н7 Em
Я и во сне, и наяву
Em9 С#-9 Нм
Лишь ожиданием живу.

Em6 F# Нм
Здесь будут песни про Париж,
Н7 Em7 A7 D
И ты мне глупости простишь.

D7 Em F# G
Я слезы смеха разотру.
Em6 F#7 Нм
«Же пран мон бьен у же ле трув».
Em6 F# Нм
А кучерявая метель
Н7 Em7 A7 D
Все стелет на зиму постель.
D7 Em F# G
Нам расставаться поутру.
Em6 F# Нм F#7 Нм
«Же пран мон бьен у же ле трув».
С#7 F#m A7 G
Свою судьбу не обойдешь,
Н7 Em Н7 Em
Где потеряешь, где найдешь.
F# G Н7 Em
Есть только истина одна:
Em9 С#-9 Нм
Своей судьбы хлебнуть до дна.
(Повторить первый куплет).

АЙ, ДАНУ, ДАНУ, ДАНА...
Музыка народная

Ай, ромалэ-чавале,
Ну, давай, давай!
Волю, вольный человек,
Для души поймай.
Если конь свободен, как птица,
Значит, он до воли домчится.

Круп коня, что женщина в страсти.
Не пеняй цыгана в напасти.
Если осень сбросит одежды,
Три гитары мне – три надежды.

Пой, гитара, в ночь перебором.
Будет ворон в таборе вором.
Украдет шальную цыганку,
Чтобы песни петь под тальянку.

Чтобы в сердце нож, но на воле,
Чтоб любить, но все ж не без боли,
Чтобы воля вольней казалась,
Чтобы в сердце что-то осталось.

ВНАЧАЛЕ БЫЛО

Вначале было слово «Бог»...
Кто сотворить то слово смог,
Наверно, тоже Богом был,
Да только вот о том забыл.

Религий много и Богов,
Но жизнь не знает берегов.
Хоть и глядит в оклад икон,

Но претворяет свой закон.

И может глупость быть в верхах,
А целомудрие – в грехах.
И топят не со зла котят.
И палачи детей родят.

Столпотворение миров,
Культур, морали, школяров.
И не хватает вышины
Все охватить со стороны.

Уходит море от земли,
В пустыне тонут корабли.
Киты сбиваются с пути.
Кукушку, Господи, прости.

Смолкают посвисты хлыста;
Снимают узника с креста.
Отчизна просит послужить,
Солдату хочется дожить.

Родит земля из года в год,
Но все слабей ее народ.
И все тревожней голоса,
И все глядят на небеса.

А небо, как немой упрек
Тому, кто первым «Бог» изрек;
Ни указать, ни приказать,
Ни Слово заново сказать.

1996 год

ПРАВДА И КРИВДА

Век раскольников окончен;
К бунтарям иной подход;
Декабристов круг – порочен.
Стеньку Разина – в расход.

Робеспьера – вне закона.
Гарибальди – осраим.
Ломартина и Дюпона
Разнесем в театре мим.

Левых – влево.
Правых – вправо.
Белых – красным напугать.
Ленин – тот вообще отравя.

Хуже – только Карла мать.

Лихо примемся за дело;
Школа, пресса, куплетист...
Только с Пушкиным что делать?
Он ведь, вроде, декабрист.
1993 год

СЛОВА, СЛОВА...

Слова в слова – что кружева,
Вскружится песней голова.
Не от духовного родства
В Руси нерусские слова.

Родной язык без родника —
Баланды мутная река.
Лапшу мне на уши, шоумен,
И бей баклуши перемен.
Силен «прикидом» ссыльный сленг.
Умен пришедший, встав с колен.
Он «чешет» речи с кондака;
Продажа мыслей кабака.

Повеет холодом в мозгу.
Вдувают в головы лузгу.
И не противится душа,
Что бьют в подъезде алкаша.

Слова, как змеи (не буди),
Плебеи греют на груди.
Слова под дых.
Глаголом – в нос.
Бульдог поджал обрубок хвост.

Слова – подъездные бомжи,
Ужимки модные у лжи.
Слова «соленые» «в умат»
Заткнут за пояс контро-мат.

Со льда берет разбег на взлет
С ума сошедший дельтолет.

1989 год

О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

«Продается...» «Продается...»
Объявления хлопочут.
Видно, так нам всем живется;
Хорошо, мол, да не очень.

«Продается сад с колодцем,
Две породистые утки...»
Кто-то с вещью расстается,
Купит новую на сутки.

Станет шапкой белый пудель.
Торговать – так до предела.
И другой мальчишка будет
Продавать награды деда.

Объявления тоскуют;
Дворник стену колукает;
На виду все, кто торгуют,
Не видать, кто покупает.

Вещи в розницу и кучей
За умеренную плату.
Разобраться б в этой буче,
Да нужна ума палата.

Обновленья предвкушая,
На ветру обрывки вьются.
Вещи нас не украшают,
Коль над нами же смеются.

В электричке, под Рязанью,
Песни ветхая старушка
Выводила на баяне,
Собирая мелочь в кружку.

Дружно хлопали ей двери,
Вторя аккомпанементу.
Если б я ей не поверил,
Не завел бы тему эту.

1984 год

Ах, Валя, Валя, Валя-Валентина,
Ну все в тебе, ну все в тебе по мне.
Ты словно про любовь кинокартина,
А я как бедный лапоть на стене.

Мы не ровня, и я тебе не пара.
Ты, говорят, не терпишь перегара.
А я слова, мол, вешаю лапшюю,
И ни шиша буквально за душою.

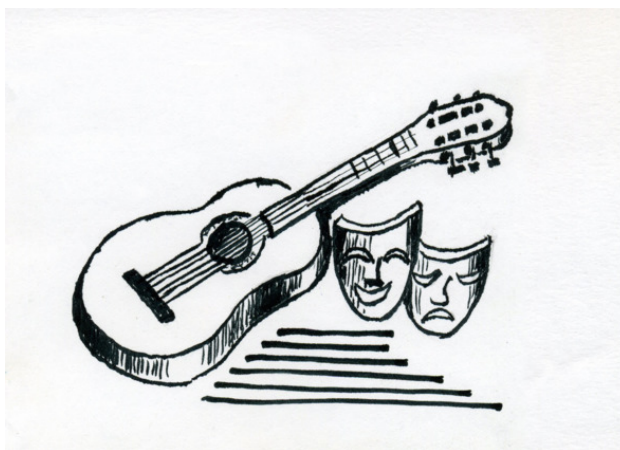
Сверкая, как витрины магазина,
К тебе ну так и липли два грузина.
Я на тебя поглядываю косо.
У женщин я не пользуюсь спросом.

Выдвываясь тонким интеллектом,
Твой ухажер, танцор кордебалета,
Обняв тебя за трепетные плечи,
Лишил меня навеки дара речи.

Являлась ты душою коллектива.
Тобою увлекался я ретиво.
Пишу теперь куплеты в лазарете,
Есть у меня другие на примете.

Я на тебя молиться перестану,
Любовь свою в капусту изрублю,
Найду в пустыне лысого султана
И весь его гарем перелюблю.

Мы не ровня, и я тебе не пара.
Ты, говорят, не терпишь перегара,
А я слова, мол, вешаю лапшою,
И ни шиша буквально за душою.

ВИДЕОКЛИП

Растрепаны патлы.
Гитара в ребро.
Шансон, хеви-парень
вихляет бедром.
Сто двадцать ударов
фальцетом на всхлип —
Видеоклип.
Я к экрану прилип.

Парижанки, шампанское, кафешантан.
Дамы поп-панорама —
реклама Монтана.
В варьете «Мулен Руж»
ходят девы-фламинго.
Ленточка в пах, листочек фиговый.
Телемадонны:
бедра, талия.
Волнами грудь —
маде Италия.
И наши туда же, на запад, русские:
В видеоюбки,
видеоблузки.
В видеовласти
телекогорта.
Девочки страсти
платят абортom.
Потные стекла.
Окно занавешено.
Видеомальчик
на сексе помешан.
Ушел в журнал
«Плейбой»
с головой.
Занят проблемой
половой.
Южные пляжи пышут экзотикой.
Любви – по уши.
Раж эротики
В видео —
заграничное порно.
А наше порно
на стенах уборной.
Я к дивану прилип:
грипп.
Но реклама не спит:
СПИД.
Страсти-мордасти.
Череп больного.
Кости запястья.
Легкие в копоти
под рентгеном.
Вечные хлопоты
антропogена.
Все на виду:
больной и герой.
Презервативы
и геморрой.
Раж Брежнева.

Порно Сталина.
Наши завалинки
и развалины.
Я к дивану прилип:
Грипп.
В видеоклип
Влип.

1986 год.

В ПУСТЫНЕ

Безмолвием пропитана пустыня.
Безветрием пронизана насквозь.
В безмерное тягучее унынье
Сквозь марево просачиваюсь вскользь.

Колючки, саксаулы да оливы
Заплещутся в прозрачных миражах,
А мне ультрамариновые сливы
Все чудятся, что в зелени дрожат.

Ни тучки, ни пристанищ, ни колодца:
Текучие пески да соль в глаза.
Да плавится безжалостное солнце,
Которому молился я в слезах.

Россия-мать, завьюжь меня снегами,
Дай мне прохлады иль росы глоток.
Здесь столько звезд-песчинок под ногами,
Что кровь вот-вот пробьется сквозь висок.

1982 год.

МАЛЕНЬКОЕ СЕРДЦЕ

Чем дольше век, тем зло смелее,
Тем меньше в каждом доброты,
Хоть правый ты, хоть чуть левее,
Хоть королева красоты.

На тещу злы, на тараканов.
На продавцов, купцов, юнцов.
На то, что нет простых стаканов,
И на себя, в конце концов.

На то, что пили, что купили,
Что кран течет, что мучит чих,
Что нас соседи затопили,
Что сами топите других.

Сегодня все друг перед другом
Мы в неоплаченном долгу
За то, что век ходили цугом,
Послушные лишь сапогу.

За то, что строим и ломаем...
За все приходится платить:
За смуты, войны, Первомаи,
За высоту больших плотин.

Чем дольше век, тем свет короче,
Тем толще на душе броня.
Чем больше счастья мне пророчат,
Тем меньше сердце у меня.

1997 год

О женщина! Начало всех миров.
Мать гениев: художников, поэтов.
Сестра цветов, подруга комплиментов,
Дочь бремени, любви земной покров.

Я счастлив, что не всю тебя постиг,
Что таинством душа твоя обвита.
Твой чистый лик как светлая молитва,
Как над Отчизной журавлиный крик.

1986 год

НЕОКОНЧЕННЫЙ РОМАН

Там, где осень летала
Перед долгой зимой,
Ты молитвой шептала:
«Милый мой... Милый мой»

Ты молитвой шептала.
Взгляд летел за окно,
Где туман черноталы
Одевал в кимоно.

Мимолетная встреча,
Словно киносеанс.
Приходил я на вечер,
Уходил через час.

Ты порхала синицей,
Я парил журавлем.
Не летать, не гнездиться

Нам с тобою вдвоем.

Не висит занавеска
На провисшей струне.
Ни жена, ни невеста,
Ни любовница мне.

Не проклюнулись всходы
Нашей встречи с тобой.
Я краду твои годы,
Ты крадешь мой покой.

Так давно это было...
И зачем, не пойму,
Ты молитву забыла, —
Вру себе самому.

Мир тобой не заполню,
Не ударюсь в запой,
Как молитву припомню:
«Милый мой... Милый мой».

Так давно это было.
Там, за долгой зимой.

ПАМЯТЬ. ТРУБАЧ

Трубач мне снится. Не видать лица.
Зовет меня сигналом за собою.
Где под дождем железа и свинца
Одной судьбы хватило б нам обоим.

Что у него сбылось? что не сбылось?
Он знал меня, но рук его не вспомнить.
С ним за столом сидеть не довелось
И просто песню добрую исполнить.

Его лица я никогда не знал.
Он о войне мне не успел поведать.
И вот теперь, во сне, в атаку звал,
Чтоб цену я познал его Победы.

Я от напасти уши затыкал,
Я не желал внимать его приказу,
Но звук в меня все больше проникал,
Не отступив от истины ни разу.

Чтоб приходила ярости пора...
(Бой достигал здесь высшего накала,
Уже гремело вечное «УРА»).

И сердце, словно колокол, звучало.

И мы врывались в музыку атак,
Превозмогая тяжесть сновиденья.
Где не заполнить паузой такт,
Не избежать врагу его паденья.

1987 год.

МУДРЕЦУ

Лукреций Кар!
Материя – основа!
Когда б не звон веселого ключа,
Мне не пришлось бы мучить кисть и слово,
Но эта соль – моей души свеча.

И я пою полет неугасимый,
И я скорблю над полотном зимы.
Материя с душой – неразделимы!
Что гибнет в нас —
С тем погибаем мы.

1986 год

* * *

Спотыкаясь, неуклюже
Перескакиваю лужи.
Эти лужи – словно смальта
В обрамлении асфальта.

Сплошь мозаика – картина:
Люди, дерево, машина.
Только моего портрета
Почему-то в лужах нету.

Сделал шаг над синим небом.
Как давно я в небе не был.
Я б измерил глубину,
Да боюсь, что утону.

* * *

Уж блекнет прошлого портрет.
Иных уж нет, а те далече.
Мы взвалим прошлому на плечи
Ошибки наших юных лет.

Весну, что рано отцвела,
Звезду, которая упала,
Любовь, попавшую в опалу;
Мечты златые купола.

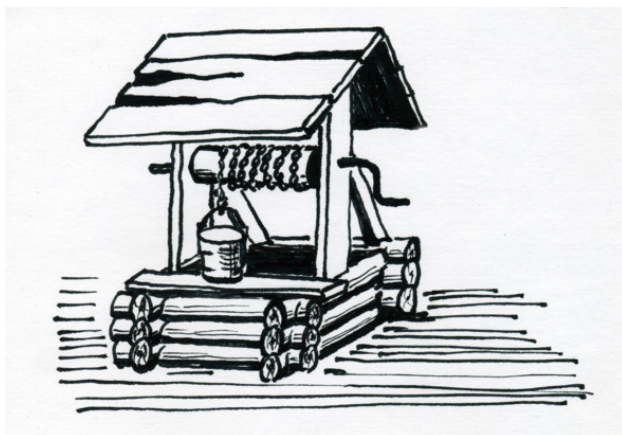
В том далеке нам не прожить.
Мы цену старому назначим,
Себя слегка переиначим,
Чтоб настоящим дорожить.

Среди заброшенных садов
Еще дойдем мы до абсурда,
У звезд вымаливая чуда:
«Храни наш дом от холодов».

Ничто не вечно под луной.
Уходит прошлого карета,
Хоть та же женщина со мной
И та же муза в стиле ретро.

И тот же дворик без прикрас,
Что летом хороводит.
Ворона так же боком ходит,
Вот только страшно ей за нас.

1996 год.

Одежда колом.
Волос копна.
Сидит одна,
судьбою обиженная.
Словно видом своим
она
Кого-то хочет унижить,
униженная.
Молчи, говорят ей,
растрепе и пьянице.
Она же,

пытаясь судьбу свою
выказать,
Кричит, неумная, ругается,
Словно хочет боль свою высказать.

В обнимку с авоськой,
как с подружкой,
Нет ни врагов,
ни друзей по несчастью.
Пусть ругают,
но все-таки слушают,
Краем уха
людского участия.
Пьяная женщина,
Пьяная женщина.
От святого всего
отрешенная,
Шлет пощечины мне
и затрещины,
Не простившему
и не прощенному.
Тяжко быть в роли
немого свидетеля,
Только запомнить придется впредь:
Чтобы в автобусе вас
заметили,
Надо напиться, иль умереть.

Там, где остановка
конечная,
Ей выходить вроде бы
некуда.
Ходит автобус по
бесконечности,
А пассажирам все некогда,
некогда.

12.83 г.

В час ожидания весны
Природа нежностью овеет,
Рисуя розовые сны,
Где даже сосны розовеют.

Заброшу важные дела,
И душу рифмами терзаю.
И у оконного стекла
Прохладой щеки остужаю.

И заструится жизнь с новья,
Но ветер мне шепнет тихонько:
«Весна – девчонка не твоя,
Она проказница, и только».

Я не поверю в эту чушь,
Она который год со мною.
И пью весны медовый пунш,
И становлюсь ее смолою.

КОРАБЛИ-ВОРОБЬИ

У серебра излучины
Тонул в снегах причал.
Он, что верблюд навьюченный,
На время заскучал.
Что воробьи в отчаянии,
Зимою корабли,
Попавшие нечаянно
В застуженный залив.

Мечтая долгим вечером
Разлуками и встречами,
Они в снега доверчиво
Судьбу свою вплели,

Им до конца не верится,
Что где-то волны пенятся,
Река стремится к мельницам
И вишни зацвели.

Им полоса отмерена —
России берега.
От берега до берега
Дотянется рука.
От острова до острова
Судам дороги нет.
Там, где снега по росту им,
Струится санный след.

1979 год.

АВТОБУС

Теснота в автобусе – как тесто.
И куда все ездит индивидуум?
– Женщине с ребенком дайте место!
– Уступите место инвалиду.
Хорошо тому, кто в середине.
Благодать тому, кто сел вначале;

Никакая сила их не сдвинет,
Только по инерции качает.
Слева дед, скукоженный, как йога.
Сзади мама и ее панама.
Справа дама с доберман-бульдогом;
Мордой, как столетняя пижама.
Хорошо звезде телеэкрана,
Да в пустыне рыжему верблюду.
Вот бы притвориться чемоданом:
На руках носить повсюду будут.
Хорошо начальству с министерства,
Ездит в легковых в уединении.
Это ж сколько надо было б места
В транспорте. Общественных сидений.
Поутру встаю, минут за двадцать
До того, как грянет Гимн Союза,
И спешу в автобус пообщаться,
Вдохновленный нерушимой музой.

1978 г.

УЧИТЕЛЬ ТРУДА

Зарплатою довольный,
С азартом, как игрок,
Я по реформе школьной
Свой провожу урок.
Что нам уроки музыки,
Все песни – как вода,
А на сегодня без труда
И ни туда, и ни сюда.
Взяли дружно молотки,
Грянули всей силой.
Ох и сила. Верстаки
Не разворотила б.

Иванов, ну, гусь хорош,
Рот раскрыл, а не поешь.
Методом дедукции
Выдай нам продукции.

(Поет хор мальчиков)

Мы работать все здоровы,
Гнем подковы для коровы.
Но работа лучше все же
Та, что сидя или лежа.

(Иванов)

Но я сегодня лично бы
В лётчики пошел.
Долблю я лед прилично,
И раздолблю еще.

(Учитель)

Идейный, змей гремучий,
Ну прямо эталон.
Стоит мороз трескучий,
Положь на место лом.
И не позорь, мучитель мой,
Наш труд производительный.

Умно, работай стоя
И слезь-ка с верстака.
Два метра сухостоя,
А в голове труха.

(Умно)

А мне Сергей Трегубов
Мешает без конца.

(Учитель)

Сергей, срыгни отсюда,
И приведи отца.
Взяли дружно молотки,
Грянули всей силой.
Ох, и сила, верстаки
Не разворотила б.

1979 г., когда работал учителем.

А У НАС...

1.
– А у нас в квартире джаз,
Это раз.
– В магазине есть халва,
Это два.
– А у нас квартира – ах;
Не в рублях,
И конечно не про вас.
Суперкласс.
– А у нас в саду бассейн,
Метров семь.
В нем когда-то побывал
Сам Хусейн.

– А у нас свой в Белоусе
манеж,
– А у нас почти безумный
Коттедж.
– А у нас есть магазин —
Склад.
– А у нас не магазин —
Клад
– А у нас есть самолет,
Вот.
И болото где живет
черт.
– А у нас есть острова
И права.
– А у нас своя звезда
И молва.
– А у нас в стране
Богатая медь.
– А у нас по всей стране
Газ и нефть.
– А у нас своя страна,
Плюс Луна.
– А у нас война в окошко
Видна.
– А у нас огромный
Ядерный щит.
– А у нас страна от денег
Трещит.
2.
А у нас внутри сидит
Стыд.
И любовь почти молчит —
Спит.
И на улице бомжи —
Миражи.
Ничего у них в груди
Не дрожит.
А в груди у них больной —
Ноль.
Не поможет им святой
Ной.
Хоть надежда не умрет
В них.
Не дойдет уже до них
Стих.
И я чувствую в груди
Крах.
Будто я уже не я —
Прах.

Будто вырос у меня —
Горб.
Будто дом мой и не дом —
Гроб.
Будто свет уже не свет —
Смоль.
Будто я уже не я —
Ноль.

15-07-2009 год.

ZERO

Я уже не заболею.
Мне ничто уж не грозит.
Я себя преодолею,
У природы взяв кредит.

Пересилив свой же разум,
(Все не то, и все не так),
Я подыскиваю фразу,
Не жалея живота.

И мечусь, делясь на части,
В душу втягивая муть,
Будто нет другого счастья —
Полной грудью жизнь вдохнуть.

И летаю, возвышаясь
Над болезнью и толпой.
А когда я возвращаюсь,
Вновь борюсь с самим собой.

И на воле, и в неволе,
И на суше, и в воде,
Наполняя душу болью,
Вытворяю беспредел.

Это право – бить себя же —
От родни принадлежит:
Добавляя мыслям тяжесть,
Класть всю душу на ножи.

Больше горечи и соли.
Все на рану, все на боль.
Упиваюсь этой ролью,
Вызвав вновь себя на бой.

А.П.Н.

Он не делец благополучный,

И между нами нет преград.
Я для него – компьютер глючный.
Он для меня – и друг, и брат.

Я с ним в плену его иллюзий.
Он без меня – актер и шут.
Но два крыла: шутник и лузер
Меня по жизни с ним несут

Сыграй со мной былую шутку;
Соври мне друг на посошок.
Не рассмеши, лишь на минутку
Расслабь по жизни ремешок.

Твой дар с небес. Шутить обязан.
Ты только честно в это верь.
Иначе к сердцу путь заказан;
Иначе к нам закрыта дверь.

Соври в три короба. Иль тыщу.
Тогда меня не занесёт.
Соври, и мне «починишь крышу»,
Когда её совсем снесет.

И жизнь покажется мне вечной,
И я смогаю с шеи жгут...
...Мы здесь останемся навечно,
Когда другие побегут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.